

Юрий Колкер
ПОЭТ И КАВАЛЕРИСТ

В журнальных сведениях об авторах читаем:

Лермонтов Михаил Юрьевич (годы жизни), поэт и кавалерист-гусар. Написал столько-то стихотворений. Прославился после смерти; царь Николай I сказал о нём: «он мог бы занять место Пушкина». При жизни слыл автором скабрёжным. Профессиональный военный, превосходно сидел в седле, отличался отвагой и необычайной силой рук (на спор шомпола завязывал узлом). Характер имел неуживчивый. Убит на дуэли в результате затеянной им склоки.

Всё это сушая правда, но некоторые подробности тут кажутся избыточными.

А между тем именно по этой схеме устроены все теперешние справки об авторах в журналах. Незачем говорить, что эти справки всегда пишут сами авторы. Каждый с упоением перечисляет свои заслуги перед человечеством, стараясь ни одной не упустить. Читаешь и глазам своим не веришь: автор подборки стихов рассказывает (разумеется, от третьего лица) о том, что у него есть учёная степень по физике и научные труды по термодинамике, оптике или квантовой механике. Зачем это знать читателю стихов? Если ему стихи понравились, и его заинтересовала судьба автора, — возраст и страна, где тот живёт, удовлетворят первое любопытство читателя. Незачем ему знать, что поэт — превосходный наездник. А если читатель голову потеряет от любви к автору, то уж сведения он разыщет сам, этой работы другим не уступит.

В справке о Лермонтове (разумеется, вымышленной) одно из определений лишнее: кавалерист, гусар, профессиональный военный. В справке о живущем авторе и слово поэт — лишнее: сами стихи должны сказать читателю, что перед ним поэт. Если я не верю автору, я откладываю его сочинение и сведений о нём не читаю. Для меня он не поэт, не прозаик. Учёная степень по электронике его не выручит.

Можно и то добавить, что «живущий несравним». Дайте человеку умереть, а уж потом решайте, кавалерист он был или поэт. Иногда и тут решение затягивается. Про Лермонтова точно известно, что он был поэт, а насчёт Хлебникова, Маяковского или Евтушенки существуют разногласия.

И то ещё не мешает помнить, что поэт — не профессия. Это лишь в субсидированной литературе, не к столу будь помянута, додумались, что можно

жизнь прожить, кормясь от вдохновения. Муза — не дойная корова. Глупо и стыдно читать: «поэт и журналист» (я недавно прочёл такое о себе в одном американском журнале и почувствовал себя оплётанным; написали бы уж лучше: «поэт и кочегар»; в кочегарках я стихи сочинял, а на проклятых библиях от голода спасался). Есть очень немного слов, выдерживающих соседство со словом поэт. Оттого и назвать себя поэтом, когда пишешь эти окающие справки, так невыносимо трудно, даже если тебя величают поэтом иностранные энциклопедии. Никто ведь не решится провозгласить себя пророком или святым. Библейский пророк говорит о себе: «Я не пророк и не сын пророка».

Прозаик — это профессия, да и то не всегда, но про Лермонтова или Пушкина не скажешь «поэт и прозаик», потому что опять глупость получается. И про Шекспира не скажешь: «поэт, драматург, актёр и режиссёр». Смешно. Слово поэт, произнесённое всерьёз, заслоняет и отменяет все прочие.

Ещё одна глупость состоит в том, что в эпоху интернета даже самая короткая справка на бумаге о живущем авторе никому не нужна, потому что при желании она тотчас находится на экране: было бы желание! Вот и получается, что журналы бумагу зря переводят, себя и других дурачат.

Разумеется, все журнальные аннотации выстроены по алфавиту, причём фамилия предшествует имени. При этом, во-первых, отмечается понятие о литературном имени, в котором порядок слов жёстко закреплён, а во-вторых и в главных сообщаются сведения интимные, зарезервированные для близких. Ахматова негодовала, когда её в печати называли по имени-отчеству. В культурные времена все понимали, что это прямая невежливость, фамильярность, — в советские же и постсоветские времена даже это понимание утрачено. Нет у меня права называть Пушкина Александром Сергеевичем, как если бы я был ему сватом или братом. И невозможен в культурном тексте такой порядок слов: Пушкин Александр Сергеевич, — он годится для казармы или больницы, да и то запятая после фамилии требуется.

Да: в справочниках влюди выстроены по фамилиям. Так издавна было заведено у самых европейских европейцев, в культурном тексте такого порядка слов не терпящих (потому что на первом месте у европейца — личность). Нужда была тут практическая: легче искать. Но в сетевое время нужда эта кончилась. И европейцы немедленно учли это. Мы больше не видим в сетевых справочниках сочетания Shakespeare, William, мы всюду находим: William Shakespeare. А у русских и в сети всё, как при царе Горохе. Витрина этой глупости — русская Википедия, оказавшаяся в руках людей, далёких от культуры. Сколько я ни твердил им, что я Юрий Колкер, а не Колкер Юрий, что это два разных имени,

— понять меня они не смогли. Полгода я втолковывал им, что у них нет права на моё отчество — и насилу втолковал, а уж чего при этом наслушался!

Не я один требовал от википедистов убрать из статьи отчество. В вопросе об отчестве появилась и другая логика в придачу к ахматовской. Навязывая отчество грузинам или эстонцам, Москва зарится на чужое, отнимает у человека право на имя. Это вся та же ползучая насильственная русификация, выступающая под видом почтительности и родственной ласки. Но в наши дни за пределами «одной отдельно взятой» оказались миллионы людей, для которых русский язык родной, а тамошние нравы и обычаи чужие. Иным эту чуждость и подчеркнуть важно; например, мне. Я полжизни живу без отчества, его нет ни в одном из моих действующих документов, но это не потому, что я от отца отказываюсь, а потому, что не хочу знаться с предавшим меня отчеством.

Что до авторской справки, с которой я начал, то не раз и не два предлагал я редакциям минималистский текст: существую с 1946, сочиняю с 1952, публикуюсь с 1964, ретроградствую с 1972, на свободе с 1984, — с предложением поменять первое лицо на третье. Но редко где меня послушались. Из большинства мест неслоь: давай подробности! Что ж, это очень по-советски.

12 апреля 2021,
Боремвуд